
Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М., Terra, 1994.
OCR Бычков М.Н.

В это время пришли некоторые и рассказали Ему о галилеянах, которых кровь Пилат смешал с жертвами их.

Иисус сказал им на это: "Думаете ли вы, что эти галилеяне были грешнее всех галилеян, что так пострадали?"

Нет, говорю вам; но если не покаетесь, все также погибнете".

Луки, 13

I

В сумерки, когда на лестнице, снизу доверху всех четырех этажей, стусилась мутная мгла и окна на площадках расплылись тусклыми пятнами, у квартиры позвонил какой-то человек.

За липкой дверью, обитой клочьями клеенки, сердито заплакал старый звонок и долго не мог успокоиться, тоненьким замирающим сипеньем, словно муха в паутине, жалуясь кому-то на свою горькую судьбу. Никто не выходил, но человек стоял неподвижно и прямо, как столб. Фигура его жутко чернела во мраке. Худая кошка, совсем невидимо скользившая вдоль перил вниз, не обратила на него никакого внимания, так тихо стоял он. И если бы кто-нибудь вышел в это время из соседней квартиры, то испугался бы этой черной тени. Было в ней нечто зловещее: добрые и веселые люди, пришедшие с открытой душой, не стоят так.

Безмолвно и холодно было на лестнице, и в пустынном мраке невидимо поднимался промозглый туман - зловонное испарение огромного дома, с чердаков до подвалов набитого грязными, больными, голодными и пьяными людьми. Чем выше, тем гуще колыхался этот туман, и казалось, что это он сам, оплотнившись в человеческий образ, породил зловещую черную тень на последней площадке.

Где-то далеко гревели пролетки и чуть слышно звонили конки; снизу, со двора, провалившегося в бездонный колодец, долетали резкие озлобленные голоса, но здесь было мертво и глухо. Чудилось, будто за каждой обшарпанной дверью, наглухо закрытой от всего мира, притаилась и молчит скорбная тайна.

Наконец, внизу хлопнула входная дверь, и гулкое эхо, дробясь в пролетах лестницы, прокатилось по всем этажам. Послышались шаги человека. Слышно было, как он подымался все выше и выше, торопливо заворачивая на площадках и опять тяжело шагая через две ступени сразу. Когда шаги послышались уже на последнем повороте и в мутном пятне окна промелькнул темный силуэт, стоявший у двери сделал шаг навстречу.

- Кто тут? - невольно вскрикнул человек, и в голосе его прозвучало нечто большее, чем простой испуг.

- Здесь отдается комната?.. Вы не знаете? - резко и твердо спросил стоявший у двери.

- А! Комната?.. Не знаю, право... Кажется, есть. Да вы позвоните.

- Я звонил.

- Э!.. У нас надо звонить по-особенному... Вот!

Он нашарил ручку звонка и дернул изо всех сил.

Звонок даже не задрезжал, а прямо-таки закричал и сорвался, точно покатила с лестницы и ударила в стену жестянка с горохом. Тогда послышался шорох, и в щель отворившейся двери вместе с полосой желтого света высунулась седая старушечья голова.

- Максимова! Вот комнату у вас спрашивают, - заявил ей пришедший, длинный и тощий студент, и первый прошел в коридор, где тускло и желто горела лампочка на стене; а воздух был кислый и парной, как в грязном предбаннике. Он не слышал, что говорила старуха, пробрался по коридору между сундуками и занавесками, за которыми кто-то копошился, и ушел в свою комнату. Только уже раздевшись и оставшись в одной красной мужицкой рубаше,